

УДК 8.085.4
ББК 80.7

**Г.Г.Хазагеров,
Н.М. Щаренская**

СОВЕТСКИЙ «ЖИТИЙНЫЙ КАНОН» В БИОГРАФИИ УЧЕНОГО И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Освещается проблема нефункционального копирования в современных публикациях, посвященных ученым, топосов, характерных для советских биографий. Рассматривается влияние канцелярита, который в совокупности с топосами советских «житийных» канонов способствует нивелированию представляемых личностей и стиранию стилевых различий текстов разных авторов. Даются рекомендации по преодолению этих тенденций в современных публикациях.

Ключевые слова: *жизне, биография, ученый, фрейм, топос, канцелярит, интимизация.*

Хазагеров Георгий Георгиевич – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-863-263-42-28

Щаренская Наталья Марковна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-511-48-86
E-mail: n-scharenskaja@yandex.ru

© Хазагеров Г.Г.,
Щаренская Н.М., 2015.

Настоящая статья преследует две цели. Первая – описательная. Она состоит в описании одного из фрагментов советской текстовой культуры, а именно презентаций биографий ученых. Вторая – дидактическая. Она состоит в выработке рекомендаций по преодолению нефункционального копирования советских штампов в современных биографиях. Материалом статьи, соответственно, служат сами советские описания и статьи из современных юбилейных сборников, посвященных памяти ученых. Обычно это воспоминания учеников. Научный пафос статьи обусловлен тем, что очень часто эти воспоминания не достигают своей цели, не создают живого образа ученого. Этому препятствует, на наш взгляд, слепое усвоение того, что мы называем здесь советским житийным канон. Топосы советской биографии, как бы к ним ни относиться, своей цели достигали. Они передавали определенное агитационное содержание. Нынешнее же воспроизводство старых топосов явно контрпродуктивно, не работает на авторские интенции и должно стать заботой культуры речи и экологии языка.

Если говорить о настоящей биографии, то жанр жития возник под влиянием эпидейктического красноречия как развитие надгробной речи – треноса, в свою очередь восходящей к фольклорному жанру плача. Для эпидейктического красноречия внешнее событие – повод к высказыванию идей воспитательного свойства. Недаром из него развилась вся христианская гомилетика. Что ка-

сается именно жанра жития, то об этом достаточно точно, хотя и сурово высказался изучавший его известный древнолог И.П. Еремин: «Житие не столько отражает действительность, сколько планомерно и настойчиво навязывает ей свой абстрактный идеал человека, чисто умозрительный» [Еремин, с.17]. Эта же мысль в той или иной форме высказывается всеми авторами, кто писал на данную тему.

Эпидейктическое красноречие было главным видом красноречия в советское время, так как два другие вида красноречия – судебное и совещательное – процветают лишь в условиях демократии и реальной состоятельности. В то же время воспитательные функции эпидейктического красноречия были более чем востребованы. Можно даже говорить об экспансии торжественного красноречия в другие жанры, например, в судебные речи [Хазагеров, Лобас, с. 50]

Агитация и индивидуализация – объективная коллизия жанра биографии, выдержанного в житийном каноне. Необходимость сообщения «поверх» биографии агитационного или моралистического содержания сглаживает не только индивидуальные черты отдельных личностей, представленных в биографиях, но также индивидуальные черты стиля отдельных авторов и индивидуальные отличия отдельных текстов. Приведем примеры (из этических соображений собственные имена в цитатах отсутствуют): «Свою трудовую жизнь NN начала учителем (такой-то) железнодорожной школы (такой-то) области», «Свой трудовой путь NN начала в 1942 году учителем математики и физики в (такой-то) семилетней школе (такого-то) края»; «NN последовательно проходит путь труженика-ученого – от лаборанта до профессора и заведующего кафедрой... университета». Каноническое происхождение подобных замечаний в биографиях ученых совершенно очевидно, понятно и их назначение – создать образ ученого, соответствующий идеальному представлению человека в советскую эпоху – трудящегося и если и принадлежащего классу интеллигенции, то прошедшего весь путь с самых низов до заслуженных вершин.

Несколько примеров сглаживания стилевых различий в «житиях» ученых, соответствующих одному из обязательных моментов биографии человека науки – защите диссертации, а также завершающему, итоговому «послесловию» воспоминаний: «В... году NN успешно защитила в Московском государственном педагогическом институте докторскую диссертацию», «Здесь NN завершила и успешно защитила кандидатскую диссертацию...», «В... году NN успешно защитил докторскую диссертацию в Московском государственном педагогическом институте»; «Память об этом удивительном человеке навсегда останется в наших сердцах», «Память о ней живёт не только в сердцах её учеников, но и всех тех, кто её знал, кто по-настоящему сегодня увлечён наукой»; «Талантливый ученый и организатор науки...чуткий и отзывчивый человек и учитель – таким был и таким остается NN в памяти многочисленных его учеников и сподвижников»; «Он собрал вокруг себя большие научные кадры учеников и последователей, с честью продолжающих начатое им дело», «Среди

учеников NN немало видных языковедов, которые продолжают ее дело». Примечательны и однотипные метафорические штампы, создающие «итоговую», завершающую характеристику ученого: *«подлинный рыцарь и поэт науки», «крупнейший представитель науки, её рыцарь без страха и упрёка».*

Эффект нивелирования различий особенно силен там, где обязательные общие места вступают во взаимодействие со структурой лингвистического фрейма, как это и случается в биографии. Биографический текст объективно тяготеет к фреймовой структуре, заданной самой действительностью: место и время рождения, социальное происхождение, образование, достижения и т.п. Все подсказывает анкетный, стандартизованный способ описания жизни, который оправдан в энциклопедических словарях. Но если на эту анкету еще и наложить готовые общие места, все описания станут похожи одно на другое.

Например, указание на бедность дореволюционного ученого и его демократическое происхождение в «житиях» советского периода преследовали сразу две цели: продемонстрировать пренебрежение к науке в дореволюционной России (собственно советская пропаганда, то же наблюдалось и в биографии писателей [Хазагеров, Ульянова]) и собственно научная дидактика (ученый не боится трудностей). Ср. жизнеописания ученых в книге «Люди русской науки» 1948 г.: *«Уже четырнадцать лет он лишился поддержки родителей и должен был существовать на собственный заработок»; «Феодосий Николаевич Чернышёв, один из крупнейших русских геологов, родился 24 ноября 1856 г. Отец и мать его учительствовали в городе Киеве и жили на свои небольшие заработки»; «Александр Григорьевич Столетов родился... в небогатой семье»* [Люди русской науки]. Не все из подобных описаний подтверждаются современными публикациями. Однако когда в сегодняшних «житиях» подчеркивается «простое» происхождение ученого, это понять труднее. Ср., например: *«Это был передовой учёный... вышедший из народа; разночинец-самоучка, собственными силами поднявшийся до высшего уровня современной ему науки», «NN родился в... г. в селе... в семье крестьян, русский», «NN родился... года в исконно русском городе... в семье ремесленника купеческого рода»; «NN родился... года... в семье рабочего-железнодорожника».* Мысль о том, что образование семьи не имеет значения для пути ученого, трудно назвать дидактичной.

Из жизнеописаний советского периода в наследство современным жителям остался топос трудностей жизни семьи, в которой родился будущий ученый, или тягот его собственного пути: *«Родился NN... в станции... в учительской семье, которая до Великой Отечественной войны жила в разных южных городах нашей страны...», «Учебу пришлось оставить из-за тяжелых материальных условий. Ему довелось лишь год проучиться в сельхозтехникуме», «С ранних лет он выполнял самую разнообразную тяжелую крестьянскую работу... приобрел специальность токаря», «NN родилась в сибирской глубинке... работала на тракторе».*

Далее, в отличие от настоящих житий, в советский житийный ка-

нон неизбежно врывается «канцелярит». Ср., например, следующий отрывок, в котором влиянием канцелярита обусловлено очевидное нарушение синтаксической нормы: *«Я с глубокой благодарностью вспоминаю годы, когда я работала... под руководством, воспитанием и обучением великой женщины-ученого»*. Это очень показательно с учетом того, что данные строки написаны профессором-лингвистом.

То, что Чуковский называл канцеляритом, несомненно, имеет более глубокую подоплеку, чем простое смешение стилей [Хазагеров, Ульянова]: Канцелярит есть следствие бездушного, обезличенного отношения к «человеческому материалу» (ср. подход Т. В. Шмелевой, которая рассматривает канцелярит как простое смешение стилей наряду с другими аналогичными явлениями [Шмелева]). «Канцелярит стал привычен для носителей русского языка, он стал, следовательно, не только стилем речи, но и стилем мысли, и стилем жизни» [Романенко, с. 99]. Ср. использование существительного *среда* при описании окружения ученого: *«Годы, проведенные в подлинно научной среде, среди таких выдающихся ученых-лингвистов, как профессора...»*. Непонятно назначение наречия *подлинно*: едва ли его смысл заключается в том, чтобы доказать действительную принадлежность названных людей к настоящему научному кругу. По сути, это штамп, который, к сожалению, оборачивается негативными ассоциациями, заставляющими отделять «подлинных» ученых от «неподлинных».

Применительно к научным биографиям, особенно к современным, канцелярит питается также научно-деловым стилем, обслуживающим жанры рецензий, отзывов, допусков, т.е. всего того, что связано с принятием деловых решений относительно работы ученого: *«Более пятидесяти лет жизни и деятельности NN отданы служению науке, подготовке педагогических и научных кадров в области романской филологии», «Значимым является личный вклад NN... в обеспечение учебного процесса программами по теоретическим дисциплинам», «здесь осуществлялась подготовка педагогических кадров... NN активно включился в целенаправленную работу по подготовке учителей русского языка и литературы для национальных школ»*. Здесь свои общие места: педагогическая, научная, воспитательная деятельность и проч., которые обслуживаются соответствующей лексикой, метафорами-штампами (ср.: «кузница языковедов»), перифразами, как, например, «педагогические и/или научные кадры», зачастую использованными плеонастически: *«Он собрал вокруг себя большие научные кадры учеников и последователей»*. В жизнеописаниях можно увидеть и совершенно не связанные по смыслу, разнородные характеристики людей: *«Высокопрофессиональный коллектив преподавателей кафедры, прошедших через горнило Великой Отечественной войны, с... года возглавляла доцент...»*

Канцелярит как в классическом, так и в современном виде, разумеется, не прибавляет биографии ученого индивидуализации. Что же, напротив, создает индивидуализацию, создает живой образ ученого, поступающий поверх информации об ученом, поверх фактов? Конечно,

это оценочность, детализация, экспрессия. Но главное, что заставляет нас сопереживать, – это показ человека, сталкивающегося с вызовами и вынужденного принимать то или иное решение. В этом случае читатель мысленно ставит себя на его место.

Интересно рассмотреть в этом плане категорию интимизации. Электронная «Энциклопедия культурологии» дает следующие определение: *интимизация* – это «философская теория процесса восприятия информации, которая представляет получателя и источник информации как совершенно различные по образу мыслей и чувств сознания. Концепция И. родилась под влиянием культурологических идей Ю.М. Лотмана и М. М. Бахтина. Знание о другом человеке интимизируется в том случае, когда другой в глазах получателя информации разусредняется, т.е. становится не просто безликим источником информации, но и ее равноценным производителем, когда другой становится не таким, как «другие», когда мы ценим не только свою оценку другого, но его оценку себя и других вещей и объектов, которые в этом случае как бы одушевляются, получают статус событийности. Автор этой концепции, петербургский философ Борис Шифрин вот что пишет по этому поводу: «И. – это некое преобразование мира, когда ставится под вопрос его одинаковость для всех. Так же как любая масса искривляет пространство и по-своему изменяет его геометрию, так наличие другого человека, который как-то относится к жизни, воспринимает свою явь, должно настолько преобразовать мир, что возникает чувство расширения, когда становится непонятным, кто субъект постижения нового бытия, кто инструмент для этого постижения, а кто – само это бытие» (подобно тому как это происходит в мифе» [Энциклопедия культурологии].

Данное определение и сопутствующие ему рассуждения хорошо иллюстрируют феномен интимизации, но не содержат указания на механизм ее создания. Любопытно, что задолго до того, как идеи Лотмана и Бахтина стали общим достоянием, лингвисты пытались описать именно приемы создания интимизации [Бадаева]. Разумеется, сама интимизация понималась при этом более узко. Сегодня стоило бы говорить не столько о синтаксических или лексических приемах, сколько о сюжетике повествования. Такая сюжетика создает ситуацию раскрытия образа и почву для эмоционального отклика читателя. Кроме того, она вызывает к жизни иные, не «впаянные» в канон топосы.

Таким образом, вопрос индивидуализации решается прежде всего на уровне общих мест, из которых по возможности элиминируются те, что работают на обезличивание, и добавляются те, что связаны с выявлением жизненной и научной драмы и неизбежно затрагивают исторический фон, что уже само по себе дает возможность уйти от обезличивания.

Литература и источники

Бадаева Н. П. Синтаксические приемы интимизации в романах И. С. Тургенева // Учен. записки Таганрогского пед. института. Вып. 2. Таганрог, 1958.

- Еремин И.П.* Лекции по истории древней русской литературы. Л., 1987.
 Люди русской науки. Т. 1 / сост. и ред. И. В. Кузнецов. М.; Л., 1948. [Электронный ресурс] // URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000044/index.shtml> (дата обращения: 15.01.2015).
- Романенко А.П.* Канцелярит: риторический аспект (о книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1 (4).
- Хазагеров Г.Г., Лобас П.П.* Культурная утилизация манипулятивных технологий // Изв. Южного федерального ун-та. Филол. науки. 2014. № 1.
- Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В.* Советский текст как объект кросс-культурной коммуникации (на материале рекомендательной библиографии) // Восток – Запад: проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. Петропавловск-Камч., 2012.
- Шмелева Т.В.* Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: специализированный вестн. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.
- Энциклопедия культурологии [Электронный ресурс] // Интимизация. – Электрон. дан. URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_kulturologii/ (дата обращения: 15.01.2015).

References

- Badaeva N. P. Sintaksicheskie priemy intimizatsii v romanakh I. S. Turgeneva // Uchenye zapiski Taganrogskogo ped. instituta. Vyp. 2. - Taganrog: TGPI, 1958.
- Entsiklopediya kul'turologii [Elektronnyi resurs] // Intimizatsiya. – Elektron. dan. URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_kulturologii/ (data obrashcheniya: 15.01.2015).
- Eremin I.P. Lektzii po istorii drevnei russkoi literatury. L., 1987.
- Khazagerov G.G., Lobas P.P. Kul'turnaya utilizatsiya manipulyativnykh tekhnologii // Filologicheskie nauki. Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta, № 1, 2014.
- Khazagerov G.G., Ul'yanova T.V. Sovetskii tekst kak ob"ekt kross-kul'turnoi kommunikatsii (na materiale rekomendatel'noi bibliografii) // Vostok – Zapad: problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. nauch. st. Petroavlovsk-Kamch., 2012.
- Lyudi russkoi nauki. Tom 1. Sost. i red. I. V. Kuznetsov. Moskva –Leningrad, 1948 [Elektronnyi resurs] // URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000044/index.shtml> (data obrashcheniya: 15 yanv. 2015).
- Romanenko A.P. Kantselyarit: ritoricheskii aspekt (o knige K.I. Chukovskogo «Zhivoi kak zhizn'») // Ritorika. 1997, № 1 (4).
- Shmeleva T.V. Kantselyarit i drugie rechevye nedugi // Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik. Vyp. 3 (11). Krasnoyarsk, 2000.

**Khazagerov G.G., Scharenskaya N.M. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)
 Soviet “Life Canon” in scientist’s biography and problem of its overcoming**

This article is dedicated to one of the fragments of modern textual culture, namely the presentation of the image of the scientist, usually

presented in the book, devoted to anniversaries. Often it is the memories of students. Scientific pathos of the article is due to the fact that these memories do not always create a life image of the scientist, not realizing his appointment. Often different publications not only smooth personal traits of individuals, but also smooth individual features of the style of the authors and individual differences of their texts. The article identifies the causes of these phenomena. One of them is blind, non-functional copy of topos characteristic of Soviet biographies. It is, for example, a topos of poverty and democratic origin of the scientist who during the Soviet biographies was intended to carry out agitation and didactic function. Combining topos with biographical frame results in a maximum leveling in the representation of a person. Thus it appears what the article calls "Soviet life canon." Another reason for the smoothing of individual style and create a speculative form of teaching is the penetration in the biographical genre of officialese expressing indifferent attitude to people. Concerning modern biographies of scientists officialese involves business style, that serves genres of reviews, i.e. all that is related to business decision-making relating to the work of the scientist. The article pointed out ways to overcome these negative trends in modern publications related to the demand for intimization category, which primarily should be shown in the plot structure of the narration.

Key words: *life, biography, scientist, frame, topos, officialese, intimization.*

Khazagerov Georgii Georgievich – Ph. D., professor of the Russian language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Ph.: 8-863-263-42-28.

Scharenskaya Nataliya Markovna – professor of the Russian language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Ph.: 8-918-511-48-86. E-mail: n-scharenskaja@yandex.ru